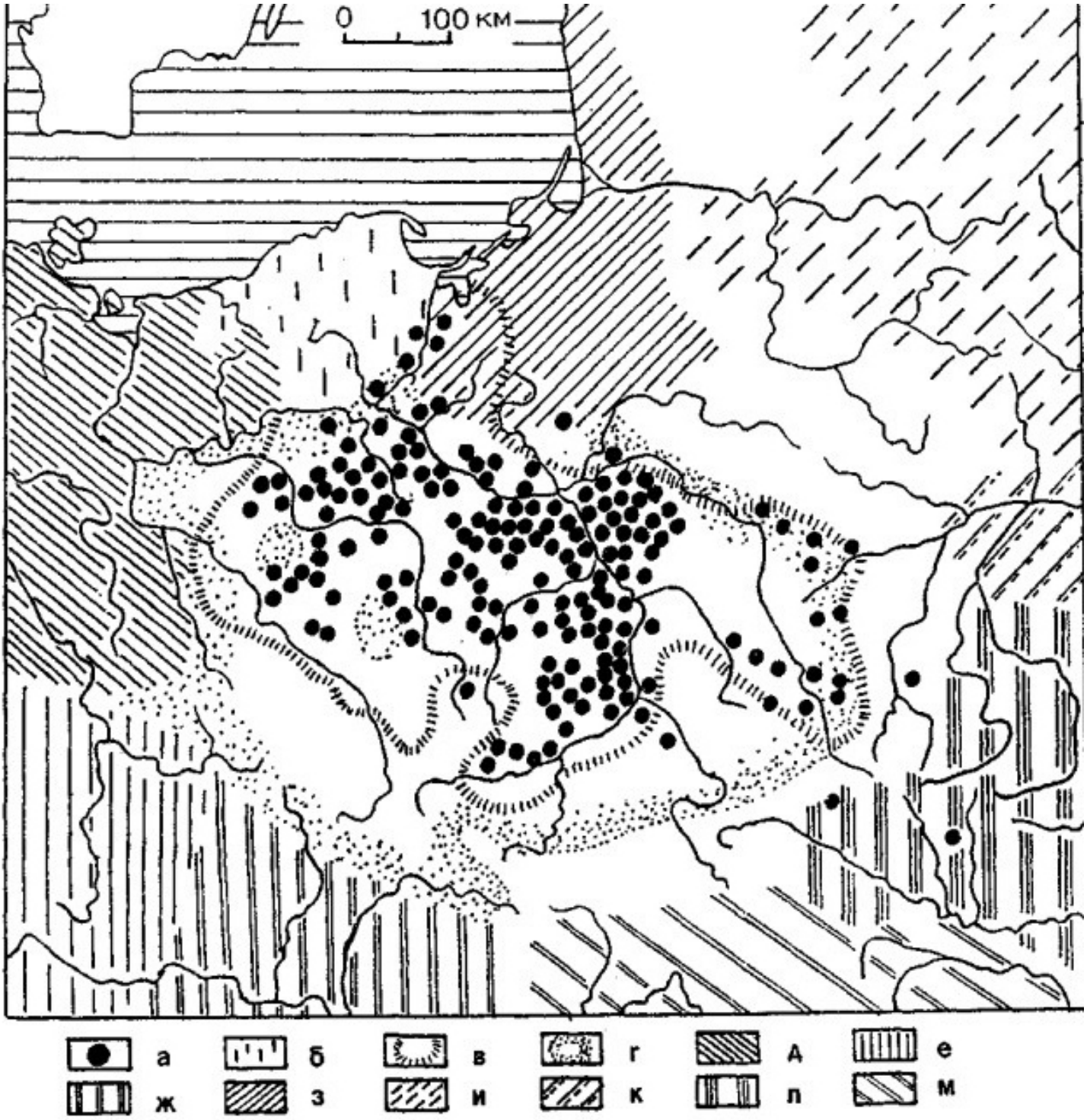
Культура подклошевых погребений

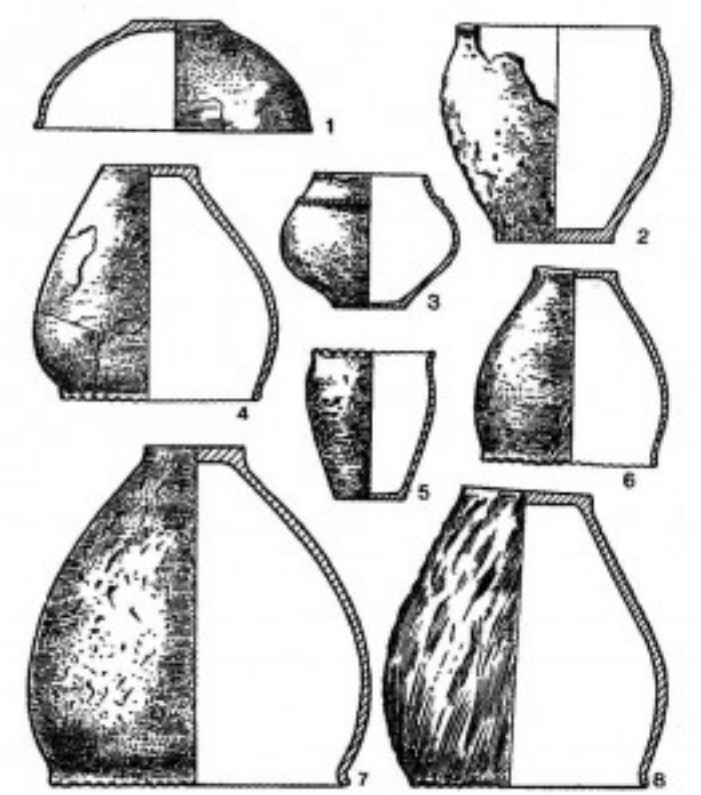
Подклошевых погребений культура (польск. kultura grobów podkloszowych) – археологическая культура латенского периода железного века центральной Польши (IV – II вв. до н. э.). Ее ареал охватывает бассейны средней и частично верхней Вислы и почти весь бассейн Варты. В среднелатенское время ареал расширяется до среднего течения Одера на западе и Припятского Полесья и Волыни на востоке.



а — могильники культуры подклошевых погребений, б — исходный ареал поморской культуры, в — общий ареал расселения носителей поморских древностей, г — ареал лужицкой культуры.

Артефакты. Название культуры произошло от обычных для нее погребений в урнах, покрытых сверху сосудом с широким устьем, перевернутым вверх дном в виде глиняного колпака. На польском такие сосуды принято называть «клошами» или «клёшами» (польское *l* мягче русского л, но тверже русского ль). Польское слово klosz заимствовано с французского cloche (как и наше «клёш»), на французском оно означает «колокол», «колпак», «купол». А польское klosz – «колпак», «абажур», «клёш». Совершенно очевидно, что при переводе на русский следует предпочесть первый вариант, но переводят

исключительно по второму или третьему варианту и мы читаем в справочниках и монографиях о «культуре клёшевых погребений» или «подклёшевых» или даже (реже) о «культуре абажурных погребений», «колокольчатых погребений». Тогда как правильный перевод – *культура подколпачных погребений*. Но так как названия, близкие к польскому звучанию, уже вошли в обиход, а слово «подколпачник» имеет в русском языке негативный оттенок, то лучше всего оставить в применении к сосудам в этой функции фонетическую транслитерацию польского термина klosz, но без русской ассоциации с клёшем – *клош*, сознавая, что клош – это колпак. Стало быть, речь идет о **культуре подклошевых погребений**. Менее точное название – **культура клошевых погребений**. Переводят и так: «подклошовые погребения» – это ближе к польскому звучанию, но не отвечает правилам русского словообразования.



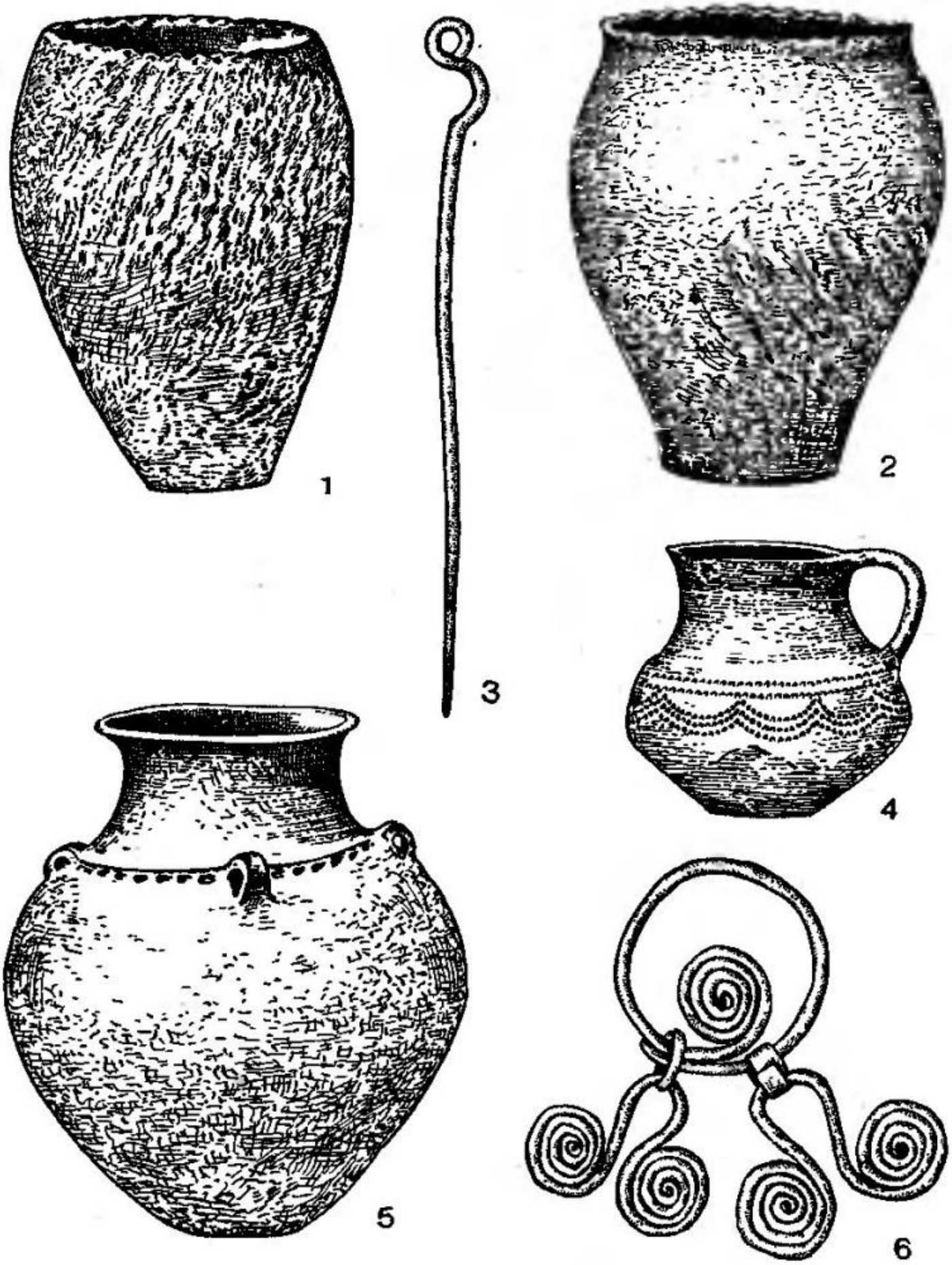
Глиняная посуда из могильников культуры подклешевых погребений (сосуды-клеши даны в перевернутом виде) I. 3, 5, 6 — Трансбур; 2, 4, 7, 8 — Радванкув

Могильники этой культуры как правило грунтовые (бескурганные). Главная часть погребального обряда — кремация. Прах кремированных помещали в глиняные урны, а иногда ссыпали непосредственно на дно могильной ямы. Часто урну прикрывали сверху опрокинутым вверх дном колоколовидным глиняным колпаком – «клошем». Иногда урну или безурновое погребение обсыпали остатками погребального костра, а к урне изредка добавляли сосуды-приставки (с пищей?). В могилах иногда находят булавки, фибулы, кольца и др.

Поселения этой культуры неукрепленные, состоящие из полуземлянок и наземных домов столбовой конструкции.

Формирование культуры подклошевых погребений явилось результатом смешивания двух предшествующих культур – лужицкой и поморской. Лужицкая культура занимала огромную территорию в бронзовом веке, включая и ранний гальштат. В конце ее существования на севере, у берегов Балтики, в ее ареале появилась поморская (восточнопоморская) культура, которая стала распространяться на юг и юго-восток. В новозахваченных ею районах в бассейне Вислы обе культуры начали смешиваться, образуя новую культуру – подклошевых погребений.

Кремация была в обеих исходных культурах. Но от поморской культуры в новых могильниках – погребения, часто коллективные, в каменных ящиках или обставленные камнями, от лужицкой – ямы с индивидуальными погребениями, куда ссыпаны остатки погребального костра, и лужицких становится всё больше. Редкие крышечки-шапки урн сменяются большими клошами. В керамике тоже слияние двух традиций – от поморской культуры — сосуды (в том числе амфоровидные) с «хроповатым» (специально ошершавленным) туловом и гладким верхом, миски с ребристыми краями и ушками, кувшины и кубки, от лужицкой — яйцевидные и выпуклобокие формы, горшки с ушками, миски с загнутыми наружу краями, плоские круглые покрышки. Среди булавок есть и поморские – с дисковидной головкой, и лужицкие – со спиральной или свернутой в ушко головкой. А фибулы (чертозские и раннелатенские) были характерны для обеих культур.



Украшения и керамика культуры подклешевых погребений: 1, 2, 4, 5 — глиняные сосуды; 3 — булавка; 6 — височное кольцо со спиральным окончанием и биспиральными подвесками. 1 — Шимборзе; 2, 6 — Варшава-Грохув; 3 — Трансбур; 4 — Сарнувек; 5 — Бжесць

Этногенез. Особый интерес культуре подклошевых погребений придает то, что в концепции известного московского археолога чл.-кор. Академии наук В. В. Седова она оказывается первой по времени славянской культурой – с нее начинается этногенез всех славян. Дело в том, что в отличие от академика Б. А. Рыбакова Седов (как и М. И. Артамонов) принимал польскую линию этногенеза всех славян, выводя и восточных славян из Польши.

Но польские археологи (Юзеф Костшевский и его школа) уже лужицкую культуру трактовали как славянскую – за ней получали славянскую принадлежность все культуры, как-то с нею преемственно связанные. Некоторые польские современники Костшевского, а особенно новое поколение польских археологов (Волонгевич, Годловский и др.) подвергли критике методические основы этой концепции и конкретные связи ряда звеньев этой цепочки культур. Седов понимал, что лужицкая культура не может претендовать на славянскую идентификацию, и отдавал ее кельтам или приписывал ей некую более раннюю древнеевропейскую речь (с еще не разделившимися германскими, кельтскими и италийскими языками). Но поморскую культуру он на основе некоторых общих с восточными соседями артефактов (у поморцев попадаются круглодонные сосуды и т. п.) счел балтоязычной или близкой к такому статусу. А так как славянский праязык выделился из общего балтославянского праязыка, то он и решил, что смешение поморской культуры с лужицкой и создало основу для такого выделения. От поморской культуры славяне получили то, что их объединяет с балтами, а от лужицкой – ремесленную и земледельческую терминологию, общую для ряда индоевропейских языков.

В этой концепции остается туманной лужицкая речь, а связи поморской культуры с балтийскими курганами слишком частны и слабы, чтобы обосновывать ими языковое родство. Правда, Седов ссылается на балтскую топонимику, захватывающую и поморский ареал, но от какого времени она осталась, неизвестно. Индоевропеистов удивит и наличие древнеевропейского неразделенного праязыка при выделенной балтской или балтославянской речи. По всем исследованиям кладистики и глоттохронологии, балтославянский праязык выделяется после распада древнеевропейской общности – никак не раньше германской и кельтской общностей.

Фибулы, сходство погребального обряда с западными памятниками, корни (лужицкие и поморские) говорят скорее за германскую принадлежность культуры подклошевых погребений. Покрытие урны большим глиняным колпаком-клошем (часто при наличии маленькой крышечки) преследует ту же цель, что и лицевые и домковые урны – упрочить привязку мертвеца к могиле, что связано с массовыми раннегерманскими поверьями об опасности выхода мертвецов из могил.

ЛСК